

Владислав КРАПИВИН

ДАГГИ-ТИЦ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Владислав Крапивин

Дагги-тиц

«ЭКСМО»

2008

Крапивин В. П.

Дагги-тиц / В. П. Крапивин — «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-26333-2

Сборник новых произведений классика русской фантастики и лауреата множества литературных премий, тюменского автора Владислава Крапивина, приурочен к семидесятилетию писателя. Книга эта, по словам автора, – «серьезная и порой даже грустная, про одиночество детей. Про взрослых, которым наплевать на детей. И про других – которым не наплевать. И про то, что настоящая дружба – и ребят, и взрослых – часто бывает спасением и защитой от многих бед».

ISBN 978-5-699-26333-2

© Крапивин В. П., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ СМОК	5
Ходики	5
Каменный осколок	21
Проклятие	26
Спичечный коробок	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владислав Крапивин

ДАГГИ-ТИЦ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ СМОК

Ходики

Муха любила кататься на маятнике...

Маятник был совсем легкий – жестяной кружок на спице. Но муха, видимо, и вовсе ничего не весила. На ход часов она никак не влияла. С мухой или без нее маятник отщелкивал время с одинаковой бодрой равномерностью.

Качался маятник под обшарпанными ходиками. Такие простенькие часы висели раньше в деревенских избах или небогатых комнатах городских жителей. А нынче ходики считали минуты и дни в комнате, где жил Инки.

Инки нашел ходики среди рухляди за мусорными контейнерами.

Сперва-то Инки не обратил на них внимания. Лишь краем глаза, на ходу, зацепил циферблат с лишаями ржавчины и деревянную коробочку корпуса. Потом... он задержался. Стоял слякотный апрельский день. Все вокруг было сырым – тропинка на задворках, заборы, небо. И часики, конечно. Инки вернулся. Ходики лежали, ненужные всем на свете и обреченные. Было в них похожее на то, что гнездилось в душе у Инки.

Инки принес ходики домой. Они пахли сырой жестью и плесенью. Инки оттер их, вычистил, разобрал. Выпрямил стрелки и стерженек маятника, распутал ржавую, но не порванную цепочку...

За этим делом его застала Марьяна.

– Ты почему не в школе?

– Горло болит, – наполовину правду сказал третьеклассник Инки. Горло у него болело часто, и сейчас застарелый тонзиллит снова осторожно скребся в гландах.

– Ну-ка покажи. Открой рот... Так и есть. Что за наказание... Сейчас согрею молоко.

– И так не помру...

– Не рассуждай. Мать позвонит, что я ей скажу?

Инки пожал плечами.

Марьяна была давняя подруга матери („мы дружим с до-исторической эпохи...“). Когда мать оказывалась в отлучке (а в последние полтора года она не раз уезжала надолго и неизвестно куда), Марьяна поселялась в ее комнате – присматривать за жильем и за Инки. Марьяну такой вариант устраивал. Своей квартиры у нее не было, только „угол“ в общежитии, которое „даже не общежитие, а притон для всяких дегенератов“...

Марьяна работала в салоне красоты „Орхидея“. Салон отличался от простой парикмахерской только громадными зеркалами и тем, что там с посетителями драли тройную плату. Марьяна сама так говорила. Она смотрела на жизнь со скучной досадой, потому что жизнь эта ей не удалась. Видимо, так же, как Инкиной матери...

Инки, чтобы не унижаться до спора, слотал теплое молоко и продолжил возню с часами. В механизме он разобрался быстро. Чего там разбираться-то! Всего несколько медных колесиков, которые цеплялись друг за дружку и поворачивали стрелки, когда надетая на зубчатый барабан цепочка тянула главную шестерню. А цепочку должна была тянуть гиря. Гири не было. Инки снова сходил к помойке, отыскал там мятое ведерко (синее, с цветочком), залепил скотчем дырку. Набрал на детской площадке мокрого песка. Ведерко и стало гирей.

Инки повесил ходики слева от окна – так, что они были видны над торчащими коленками, когда Инки лежал на своей узкой, как вагонная полка, тахте. Часы принялись послушно тикать, едва он толкнул маятник. И пошли, пошли (до чего хорошие, ласковые даже!). Правда, сперва они то отставали, то спешили, но Инки в течение нескольких дней регулировал ход: добавлял или убавлял в ведерке песочный балласт. И наконец ходики стали показывать часы и минуты так, будто принимали радиосигнал точного времени.

Лицевая сторона ходиков была из помятой пятнистой жести с остатками облезлого рисунка над циферблатом. Инки, как мог, выправил и очистил ее. На место прежнего рисунка приклеил картинку-липучку с лесным домиком, в котором светилось оранжевое окошко. Кто жил в домике, он пока не знал, решил, что придумает после...

Когда молчаливый Инки возился с часами, Марьяна несколько раз лезла с разговорами: – Зачем ты притащил в дом эту заразу?

Инки наконец не выдержал:

– Сама зараза... Не вздумай их трогать.

– Бессовестный. Я в три раза тебя взрослее. А ты со мной, как с девчонкой на дворе...

– Не лезь, вот и не буду как с девчонкой...

– Как же „не лезь“, когда на этом утиле миллион микробов...

Они там, в своей „Орхидее“, все были помешанные на борьбе за стерильность.

– Ты их тут считала, микробов-то? – буркнул Инки.

– Вот схватишь какую-нибудь инфекцию, куда я тебя дену?

– На Хабаровскую, конечно, – сообщил Инки (на Хабаровской улице была всем известная городская больница). – Или прямо на кладбище...

– Тьфу на тебя. Чтоб ты язык прикусил...

Марьяна была рыхловатая, с пухлым лицом и в общем-то беззлобная. Инки она особенно не донимала, в дела его влезала нечасто. Кормила его, мазала зеленкой ссадины, иногда говорила (так, для порядка), чтобы садился за уроки, стирала его белье и порой непонятно вздыхала, поглядывая издаലെка (Инки чувствовал это затылком). Правда, вначале, когда поселилась в их доме впервые, Марьяна вздумала было воспитывать Инки. Он, сумрачный и усталый, вернулся после позднего бродяжничества около полуночи – с травяным сором в перепутанных темных космах и синяками на тощих икрах. Марьяна глянула сурово:

– Где болтался до такого времени? Я уж думала, пропал насовсем! Погляди на себя, бомж подзаборный, а не ребенок...

Это были скучные, стертые слова. Инки пальцами (немытыми!) брал с тарелки и отправлял в рот холодный винегрет. Марьяна уперла в бока кулаки с колечками на пухлых пальцах.

– Выбирай! Или я звоню матери и спрашиваю, что с тобой делать, или выдеру тебя сама!..

Может быть, она по правде думала, что сумеет это.

Инки придвинул белевший на кухонной клеенке валик для раскатки теста. Сказал без выражения:

– Только подойди...

– Бессовестный! Я... звоню прямо сейчас!

– Звони, звони. Все равно у нее мобильник всегда отключен.

– Ну и... тогда я расскажу про все, как только она сама позвонит!

– Вот страшно-то... А я расскажу, что у тебя ночует твой Вик.

Вик (то есть Викторин Холкин, шофер с товарной базы) был давний знакомый Марьяны. Он тоже обитал в общежитии, только в своем, для мужиков. Где им с Марьяной найти крышу на двоих? Ну и вот... Покладистый, толстогубый и белобрысый Вик относился

к Инки хорошо, тот ничего против него не имел. Но сейчас Марьяна, как говорится, *достала* Инки...

– Свинья ты! – плаксиво завопила она. – Что ты такое врешь! Он вовсе даже... он просто засиделся до утра, потому что мы... ночью пили чай и говорили про кино. Про сериалы...

– Ага. А кровать скрипела, будто на ней три медведя...

– Как у тебя язык-то поворачивается! – Марьяна в два раза усилила плаксивость.

Инки пожалел ее.

– А я чего. Я и говорю: сидите там рядышком, спорите о всяких „Бригадах“ и „Сантах-Барбарах“, друг друга локтями пихаете, а кровать-то вся ржавая, бабушкина еще. Можно бы и потише...

– Бессовестный, – опять сказала Марьяна. Уже примирительно. – Руки бы помыл. Все в заразе...

Инки вытер пальцы о замызганные биджи. Винегрета на тарелке все равно уже не было...

После этого Марьяна никогда не лезла к Инки с воспитательными беседами, а он делал вид, что не замечает ночных посещений Вика. Вик бывал все чаще. Порой казалось даже, что он живет в квартире Гусевых (это фамилия Инки и матери) больше, чем в своем шоферском общежитии. Ну и ладно. Инки от этого была даже польза. Вик добыл где-то старенький компьютер, притащил его к Марьяне, и они часто сидели вдвоем перед монитором – по уши влезали в нехитрые компьютерные игры (хитрые такой музейный агрегат „не тянул“).

Вик показал Инки, как запускать эти игры, и тот на какое-то время увлекся. Особенно нравилась ему игра „Конкистадоры“. Про завоевание Южной Америки. Инки и раньше кое-что знал про такое завоевание, видел серию передач по телику и сочувствовал беднякам индейцам, которые не могли, конечно, устоять против закованных в железо испанцев... В компьютере индейцам тоже доставалось крепко, но все же игру можно было повернуть так, что иногда мексиканские и перуанские племена одерживали победу. Тем более что индейцам сочувствовал честный и храбрый адмирал (единственный хороший человек среди конкистадоров). „Альмиранте“ Хосе Мария Алонсо де Кастаньеда...

Но скоро компьютерные игрушки наскучили. От экранного мерцания щипало под веками, а между левым виском и глазом начинал вздрагивать под кожей тревожный пульс. Этот кровеносный сосудик обязательно оживал, если подкрадывалась какая-нибудь хворь, ожидалась неприятности или хотелось плакать. Сдерживать слезы Инки научился уже давно, а умирять беспокойную жилку до сих пор не умел. Только прижимал к ней палец (и старался делать это незаметно)...

Потом Вик унес компьютер. Объяснил, что „машина“ не его, а приятеля, который потребовал ее „взад“. Марьяна огорчилась, а Инки только сказал с зевком: „Ну и фиг с ним“. Он и без всякой электроники мог выстраивать в голове игры не хуже компьютерных. Если было настроение.

Правда, настроение было не всегда. Порой вместо него приходило серое равнодушие – такое, как в то утро, когда Инки нашел ходики.

Откуда она бралась, эта бесцветная скука? Инки не знал. Можно было, конечно, найти разные причины, если начать копать. В тот раз причиной мог оказаться очередной отъезд матери. Но... Инки ведь давно привык к таким отъездам, к такой „жизни всегда“. К тому, что он один. Чего тут унывать, непонятно...

Находка развеяла Инкину грусть. В нем, как и в ходиках, зашевелились, ожили бодрые шестеренки. Он теперь подолгу лежал на своей твердой койке и смотрел, как ходит туда-сюда маятник. И слушал, как шелкает в деревянном ящичке медный механизм.

Тот даже не щелкал, а выговаривал: „Дагги-тиц... дагги-тиц...“ Каждое „дагги-тиц“ совпадало с одним качанием маятника туда-обратно. Слово было непонятное, но... хорошее такое, будто ходики говорили его вопреки всему скучному и вредному, что было на свете.

Недаром в те вечера стали снова появляться под потолком Сим и Желька...

Давно еще, когда был второклассником, Инки натянул над постелью, под самым потолком, леску. К ней он подвешивал на скользких петельках пластмассовые самолетики. Если самолетик тянули за нитку, тот скользил по леске от окна до двери – словно появлялся из далеких краев и летел в другие далекие края...

Потом игра надоела (а самолетики рассыпались), но леска осталась. И вот однажды, когда в окно гусевской квартиры на втором этаже светил осенний фонарь, Инки подумал, что на леске могут появиться канатоходцы.

И они появились.

Это были мальчик и девочка ростом с шариковую ручку. В красных цирковых костюмах – вроде колготок и узких футболок. На мальчике, кроме того, были пышные, как у старинного пажа, шортики, а на девочке похожая на раскрытый зонтик юбочка. А еще – белые кружевные воротники, закрывающие плечи. Волосы у них были длинные, светлые, легкие, иногда они разлетались от быстрых движений.

Эти малютки-канатоходцы казались очень похожими друг на друга (скорее всего, близнецы). Если бы не различия в костюмах, Инки бы и не смог отличить их друг от дружки. Но это сперва. А скоро Инки уже понимал, что они разные по характерам. Сим вел себя смелее девочки и относился к ней со снисходительной терпеливостью. А Желька – она ласковая, чуть-чуть капризная и пугливая (но пугалась она не риска на канате, а всяких мелочей: пролетит у плеча искорка-звезда, а Желька смешно ойкает и приседает).

Почти каждый вечер Сим и Желька (эти имена придумались у Инки легко и сразу) появлялись из набрякших в углу сумерек и устраивали представление. Даже если за окном не горел фонарь, крохотные артисты были хорошо видны – словно светились сами. Они ловко бегали по тугой леске, прыгали друг через друга, кувыркались, танцевали, ухватившись за руки, словно под ними была не капроновая струна, а площадка. Взлетали друг дружке на плечи и раскидывали руки, будто ласточкины крылья...

Инки смотрел на них, не замечая времени. Ему нравились даже не столько цирковые номера ловких артистов, сколько другое – *какие* они, Сим и Желька. Славные и так привязанные друг к другу. Оно и понятно, раз брат и сестра.

Они были добрые. Вон как старались, чтобы Инки поменьше грустил. Столько сил тратили ради него одного!..

Хотя не всегда только ради него. Порой Инки забывал, что он в своей постели, и видел, будто капроновая леска протянута сквозь межзвездное пространство. Сим с Желькой танцевали и акробатничали и там. Но теперь упражнения крохотных канатоходцев приобретали особый – очень важный и строгий смысл. Сложный и продуманный ритм движений передавался Вселенной: звездам, галактикам – всему, что называется мирозданием. Он, этот ритм, делал порядок мирового пространства более прочным и в то же время более живым, понятным для жителей всех планет... Впрочем, Инки не мог бы объяснить это словами. Но он чувствовал: *так надо*... И то, что Сим и Желька выступают теперь не ради него одного, а ради всего-всего мира, ничуть не огорчало Инки. Потому что и *ради него тоже*. Это как бы связывало Инки со Вселенной, и от такого чувства слегка замирала душа...

Он, Инки, нравился Симу и Жельке, это не вызывало сомнений. Жаль только, что он не мог оказаться совсем рядом с ними, на леске. Там был хотя и близкий, но все же иной мир...

Потом Сим и Желька перестали появляться. Может, потому, что отправились на гастроли в иные области мирового простора. А может, потому, что вернулась из очередной поездки Инкина мать. Она приехала не одна, а с высоким лысоватым дядей по имени Дмит-

рий Дмитриевич („можешь звать меня дядей Митей, я теперь буду жить с вами“). Совместная жизнь оказалась недолгой. „Сволочи они, нынешние мужики“, – утомленно высказывалась мать. Это Марьяне. А Инки говорила: „Кешенька, не будь таким, когда скоро вырастешь...“ При этом крепко целовала его в щеку или подбородок мокрыми губами. Инки сперва камелел, потом изворачивался и шел в совмещенный санузел оттирать с лица помаду.

Имя Кешенька он не терпел. Скоро вырастать не собирался (понимал уже, что это не дает никаких преимуществ, одни лишние хлопоты). О том, что „мужики – они сволочи“, он слышал неоднократно. Но были, наверно, и другие, хорошие. Недаром то и дело мать срывалась в очередную поездку (иногда в командировку от какой-нибудь работы, иногда в непонятно какой по счету отпуск), в надежде, что улыбнется же когда-нибудь счастье.

– Да не за счастьем она ездит, а просто у нее такая цыганская натура... – говорила Марьяна, снова занявши место в двухкомнатной квартирке Гусевых. Не Инки говорила, конечно, а Вику или какой-нибудь заглянувшей в гости подружке. Но Инки это слышал.

В матери и правда было немало цыганского – темные глаза и волосы, большие круглые серьги, яркие юбки и кофты. Хитроватая плавность разговоров и порывистость, с которой она иногда принималась обнимать-целовать Инки (он старался терпеть, но выдерживал не всегда). Материнская „цыганистость“ в чем-то сказала и на Инки: темный, растрепанный, худой. Любящий бродить в незнакомых местах и с непонятной целью. Только цыгане бродят табором, а он – в одиночку.

А еще – неулыбчивый. Может быть, это досталось от отца? Но какой он был, отец, Инки не ведал. И мать не могла ничего толком сказать, хотя ничего и не скрывала. „Кешенька, так получилось. В Ялте. Совершенно случайная встреча. Я была такая глупая... Даже фамилию его не знаю, а звали Сережей. Говорил, что поедем вместе к нему в Рязань, а уехал один... Все они такие...“

Вот и оказалось, что все наследство Инки по мужской линии – одно только отчество. В метрике написано: „Иннокентий Сергеевич“. Ну и ладно. Инки знал, что от папаш толку никакого. У пацанов из его класса отцы были один похлеще другого: водка да ремень. После родительских собраний мальчишки боялись идти домой, а потом, перед уроками физкультуры, стеснялись раздеваться... Инки-то не боялся: дома его сроду никто не трогал пальцем. В школе, на улице бывало всякое, но это другое дело...

Ну вот, мать, очередной раз исцеловав „Кешеньку“, отправлялась в новую поездку, а Инки оставался с Марьяной. И со своей свободой. Школу он прогуливал не так уж часто, но ходить туда не любил: ни радостей, ни приятелей там не было... Пришла весна, однако была она сырая и пасмурная, тоже радости никакой. Радость возникла, когда нашлись и заговорили на стене ходики.

„Дагги-тиц... Дагги-тиц...“ Это веселое слово позвало из дальних краев Сима и Жельку. Они опять стали появляться у Инки, хотя и не так часто, как прежде.

А потом появилась муха. Но это случилось уже в конце лета...

Как его звали...

В тот августовский день после затяжных дождей вернулось прочное тепло. Инки снова влез в летнюю одежду – потрепанную, зато легкую – и целый день гулял по окраинам, искал улицу Строительный Вал. Не нашел, конечно, однако не очень огорчился, потому что все равно вокруг было лето, была зелень и горячее солнце. Оно снова, как в конце мая, крепко нажарило Инкину кожу. Поздно вечером он лежал поверх толстого ненужного одеяла и отдавал солнечный жар окружающему пространству. Ждал, не появятся ли Сим и Желька. Канатоходцев не было, но вдруг села на леску муха.

Инки хорошо видел ее. За окнами было еще светло, а кроме того, из прихожей светила сквозь приоткрытую дверь лампочка – Марьяна всегда забывала выключать ее. Муха в этом свете прошла враз-вперед по леске (которая даже не вздрогнула) и притихла.

Откуда она появилась? Ясно, что не из форточки – та была открыта, но затянута марлей от комаров. Влетела с улицы через подъезд и лестничную клетку? Но ведь дверь квартиры заперта и щелок в ней нет...

Муха посидела и снова прошлась туда-обратно. Она занималась тем же, что Сим и Желька, „канатоходством“, поэтому Инки ощутил к ней что-то вроде симпатии.

Муха была маленькая, серая, словно крохотный кусочек сумерек, таившихся в дальнем углу. Почти незаметная. Лишь когда попадала под лампочный свет, на крылышке ее загоралась микроскопическая искорка. Мигнет и пропадет. Муха еще раз прогулялась по леске, потом снялась и долетела до ходиков. Села на маятник. Инки напрягся, ожидая, что ходики собьют ход. Ничего, однако, не случилось. Как и раньше: „Дагги-тиц...“

„Ладно, тогда качайся“, – мысленно сказал Инки. Со снисходительной усмешкой. Он лежал навзничь, согнутые колени смотрели в потолок, а локти в стороны. Потому что ладони прятались под затылком. Это была любимая Инкина поза. А раз любимая, значит, и настроение не самое плохое. С этим не самым плохим настроением Инки и смотрел на маятник и муху.

Она была ничуть не противная. Не в пример тяжелым помойным мухам, которые иногда залетали в дом, отвратительно зудели в воздухе и со шмяканьем ударялись о стекла. Скромная такая мушка...

Она покачалась под часами несколько минут, потом сделала бесшумный круг и вернулась на маятник. „Нравится, значит“, – сказал ей (опять же мысленно) Инки. И представил себя на месте мухи. Будто он – невесомый, как лоскуток серого воздуха, – пристроился на краю громадного диска, который ходит в пространстве среди звезд. „Дагги-тиц, дагги-тиц...“

Возможно, муха уловила Инкино понимание. Она стартовала с маятника, полетала над мальчишкой, села ему на левую коленку. Прочная кожа колена не ощутила мушиных лапок. Но муха тихонько пошла по ноге, как с горки, к Инкиному животу, и тогда он почувствовал чуть заметное щекотанье.

Инки усмехнулся. Он был живой, и муха – живая. И ничуть не вредная. И этот контакт двух живых существ, которые не хотели друг дружке ничего плохого, показался Инки вполне понятным. Как это говорят? А! „За-ко-но-мерным“...

„Привет, – сказал он мухе. – Я Инки. А ты?“

Она замерла – наверно, обдумывала вопрос. Потом опять улетела и села на маятник. И ходики (которым эта гостья, видимо, была по душе) произнесли особенно четко: „Дагги-тиц“. Словно подарили мухе имя.

„Вот и хорошо. Значит, будешь Дагги-Тиц“, – согласился Инки.

Муха была, кажется, довольна. И своим именем, и маятником, на котором кататься сколько хочешь. И она качалась, качалась на нем. А у Инки стали слипаться глаза.

И он увидел Строительный Вал.

Как в его голове застряла память об этой улице, Инки не мог понять. То ли он побывал на ней в прошлом году, солнечным сентябрьским днем, когда бродил по окраине за опустевшим Стекольным заводом, то ли она просто приснилась. Возможно, что приснилась. Потому что потом Инки не мог ни разу вернуться на нее, не находил. А расспрашивать он не хотел. Заранее представлял удивленные лица, на которых читалось: „Шизнутый какой-то пацан“... Ладно, пусть пока остается найденной. В этом даже есть свой интерес. Совсем не плохо, когда можно что-то *искать*...

Была улица по правде или привиделась, но Инки помнил ее со всякими подробностями. Она представляла собой широкий насыпной вал, он тянулся через низину с высохшим тростником и ольховой порослью. Наверно, когда-то здесь завалили землей сваленный узкой полосой строительный мусор. А сверху проложили дорогу из бракованных бетонных плит.

Между плитами торчали дырявые лопухи и ломкий белоцвет с распушившимися головками. Казалось бы, скучная картина. Но нет же!

Дело в том, что с двух сторон от вала стояли домики. Стояли ниже насыпи, но вплотную к ней – так, что их задние стены касались откоса, а иногда и вращались в него. С бетонной дороги видны были только крыши, карнизы под кровельными скатами и узорчатые верхушки водосточных труб. Но кое-где над крышами торчали как бы дополнительные домики – этикие надстройки-будочки с хитрыми оконцами, балкончиками и флюгерами...

Инки чуял, что здесь живут добрые люди. Плохие не стали бы украшать дома такими веселыми придумками. Для украшений жители брали все, что оказывалось под руками. Из ребристых арматурных прутьев гнули узоры и фигурки забавных зверей – усатых кошек, тонких оленей, круторогих горных баранов. А еще – растопыривших перья павлинов, крылатых драконов, лебедей с изогнутыми шеями. Из кусков кровельной жести мастерили флажки, кораблики и звезды-снежинки... Все это железное разнообразие переплеталось над гребнями крыш, над вышками и печными трубами, соединяло дома изогнутыми перильцами, подымало на шестах металлических зверят и птах выше телеантенн...

Под кромкой одной из крыш Инки и прочитал белую табличку: „Ул. Строительный Вал“.

Здесь, на Строительном Валу, было хорошо, хотя и пусто. Из живых существ Инки увидел только черного котенка на печной трубе. Сперва он подумал, что котенок – тоже украшение, но тот почесал за ухом и глянул зелеными глазками: не бойся, гуляй здесь...

Инки сам не понимал, почему тогда не пошел вдаль по бетонной дороге. Он не боялся, не испытывал нерешительности. Но... видимо, ему хотелось как-то по-особому подготовить себя к такому путешествию. Чтобы появилось „специальное“ настроение, когда удивительное открывается не сразу, а сперва появляется *ожидание удивительного*. Инки решил, что вернется сюда позднее. Сводка погоды обещала на ближайшие дни солнце и тепло. Но оказалась брехливой (дело обычное). Назавтра с утра пошел дождь. А потом улицу, ведущую к Стекольному заводу, перерыли бульдозеры. Инки пошел в обход, но Строительного Вала так и не обнаружил. Ни тогда, ни зимой, ни весной... Ну, что же, бывали в жизни пакости и покрупнее, Инки умел их переживать. Тем более что надежда найти удивительную улицу его не оставляла...

А этой ночью Строительный Вал открылся ему во сне.

Была улица по-прежнему пуста, но без тревоги, с солнечными пятнами на бетоне, с тенями клочкастых облаков на шиферных и железных скатах. А на трубе по-прежнему сидел черный котенок. Вроде бы уже знакомый. Поэтому Инки проснулся с осторожной улыбкой...

И сразу вспомнил про муху!

И обрадовался. Потому что Дагги-Тиц, как и вчера, качалась на маятнике.

– Привет!

– Дагги-тиц... – сказали то ли часы, то ли муха, то ли они вместе...

– Сосед! – позвала через дверь Марьяна. – Подымайся, завтракать пора... А потом посидел бы за учебниками, через две недели в школу...

– Ага, бегом через главный базар...

– Опять на троечках поедешь...

– Тебе-то что!

– Ох и колочка ты, Сосед... – Марьяна почти всегда звала его так – Сосед. Потому что он был Инки только для себя (и еще для двух человек, но об этом позже). А обычное свое имя – Кеша, Кешка, Кешенька – он терпеть не мог с детского сада. Там однажды их группа посмотрела по телику мультфильм про придурковатого попугая Кешу, и... сами понимаете, какая после этого у пятилетнего воспитанника Гусева началась жизнь.

Он в ответ не ревел, не дрался, не жаловался. Просто закаменел и перестал отзываться на прежнее имя. Пусть уж лучше „Гусев“ или даже „Гусак“. Или „Ин-но-кен-тий“, как принялась в отместку за его упрямство звать Гусева воспиталка Диана Ивановна (иначе – Диванна).

Он не считал свое полное имя плохим. Но оно казалось чересчур длинным и неудобным, как взрослые штаны и пиджак для пацаненка-дошкольника. Вот в дальнем будущем, когда станет Иннокентием Сергеевичем, все окажется на месте. А пока...

А пока ему хватало прозвищ. В первом классе стал он не Гусь, не Гусенок, а Моргáла. Из-за того, что иногда дергался у глаза нервный пульс и казалось, что Гусев начинает сердито подмигивать. Он сносил прозвище терпеливо. Куда деваться-то? Такое морганье было у него с самого рождения. Мать говорила, что это какие-то „последствия“. Сперва даже показывала „Кешеньку“ врачам, а потом оставила это дело. Мол, не смертельно же...

Затем появилось другое прозвище – Смок. Чуть позже его настоящего, почти никому не известного имени Инки.

А Инки – потому что появилась Полянка.

Это было во втором классе.

Там, во втором „Б“, Моргалу не очень дразнили и обижали, но и не очень-то любили. И приятелей не водилось. Потому что гонять футбол он никогда не хотел, накрученного (и вообще никакого) мобильника у него не было, на физкультуре он вел себя неуклюже (хотя, казалось бы, худой и гибкий), про фильмы-страшилки и диски-игрушки ни с кем не разговаривал. Ходил всегда такой, будто вспоминал что-то. Ну и „фиг с им“... Но перед весенними каникулами пришла в класс новая девочка. На просьбу Анны Романовны „скажи нам всем, как тебя зовут“ тихо сообщила: „Поля Янкина“. Была она не то что некрасивая, но какая-то слишком незаметная. Бледная, рыжеватая. Одно только отличие: горстка мелких веснушек на щеке у подбородка. словно кто-то выпалил в нее из стеклянной трубки маковыми зернышками. Но зернышки не очень бросались в глаза. А голос у новенькой был всегда негромкий. В общем, тоже „фиг с ей“.

Может, поэтому несколько раз Янкина и Моргала переглянулись с некоторым интересом. Или с пониманием.

А вскоре случилось, что Димка Хрюк и Федька Бритов по прозвищу Майор вдвоем потянули на Гусева. Мол, будто бы в столовой он сел на Хрюково место и тем самым испортил Димке аппетит. А он сам, что ли, сел? Дежурная учительница посадила, потому что его, Гусева, место оказалось занято каким-то дебильным четвероклассником. Он, Гусев, так и объяснил это Хрюку и Майору, но тем ведь не объяснений хотелось, а повыпендриваться за счет не очень-то боевитого Моргалы (хотя раньше они к нему ничего не имели). Моргала это понял и после новых претензий сказал, чтобы эти двое катились... ну, понятно куда. И приготовился отмахиваться (а что делать-то?).

Происходило это в закутке у столовой, где дверь в посудомойку. Место малолюдное, едва ли кто-то в нужную минуту придет на помощь, окажется рядом. Но... оказался. Оказалась то есть. Неизвестно почему возникла здесь Янкина. Плечом отодвинула Хрюка, засломила Гусева от Майора, сказала тихонько:

– Сильные, да? Двое на одного...

– А ты мотай отсюда, пятнистая! – тут же взвинтился Майор, а Хрюк обещающе засопел. Янкина не стала „мотать“. Отодвинула Хрюка еще на шаг, а Майора легко развернула к себе спиной, хлопнула его между лопаток.

– Иди давай... Гуляйте оба.

И они... пошли. Правда, Майор, обернувшись, выговорил:

– Чокнутая какая-то...

А Хрюк добавил сквозь сопение:

– Жених и невеста... – Это было невероятно глупо и даже... несовременно как-то. В нынешние дни так не дразнится никто...

– Иди-иди, – опять сказала Янкина.

Гусев слегка удивился, что ничуть не стыдится происходящего – того, что за него заступилась девчонка. Только зашевелилась в нем пушистая благодарность и... начал вздрагивать сосудик у глаза. Янкина, не сказавши ни слова, приложила прохладный палец к этой беспокойной жилке. И та сразу успокоилась. А Гусев увидел совсем близко лицо Янкиной. Серые с чуть заметной зеленью глаза, вздернутый нос, горстку веснушек. И он... взял и потрогал мизинцем эти веснушки.

Янкина чуть-чуть улыбнулась:

– Они не стираются...

– И не надо. С ними хорошо... – сказал Моргала и опять несколько не застенялся.

Янкина спросила:

– Гусев, тебя как зовут?

Видимо, она никогда не слышала его настоящего имени. Он насупился, но ответил сразу:

– Ин-но-кен-тий... Только это имя какое-то...

– Какое? – Она тревожно шевельнула рыжеватыми бровками.

– Как штабель из ящиков... нагромождение... – проговорил он и стал смотреть в пол.

И признался: – А „Кешку“ я терпеть не могу...

Она кивнула: понимаю, мол. И взяла его за пальцы.

– А можно ведь придумать другое имя. Которое нравится...

– Какое? – выдохнул он. И тепло растеклось по всему его существу, от волос на затылке до ногтей на ногах.

– Например... Инка. Сокращенно от Иннокентий, только без нагромождения...

„А ведь правда!“ – подумалось ему. Звучало совсем не плохо. И напомнило передачу про завоевание Америки: там были храбрые индейцы-инки...

Но тут же Гусев насупился:

– Дразниться будут. Скажут: девчоночье имя. Будто от Инны...

– Вовсе не девчоночье. Бывают у мальчиков и девочек одинаковые имена: Шура, Женя, Валя...

– Да знаю я... Только это ведь не вдолбишь Хрюку и Майору...

– А тогда знаешь что? Можно... Инки. Будет немного по-иностранному. Как Джонни или Томми...

Он ощутил, как новое имя сразу приклеивается к нему. Вернее, даже впитывается в него, будто сок в пересохший стебель.

– Ладно... – выдохнул Инки. – Ты так меня и зови. Хорошо? Только... другим не говори пока...

Она опять понятиливо кивнула.

Инки, ощущая свои пальцы в ее пальцах, прошептал:

– А тебя... Янкина... как звать? – Имя ее он тоже не помнил, в классе окликали друг друга по фамилиям или прозвищам.

– Полина... то есть Поля...

„Поля Янкина...“ – отозвалось в Инки и сложилось в одно слово. Он сразу сказал. Храбро:

– Ты будешь Полянка. Я Инки, а ты Полянка. Друг для друга...

Раньше никогда он ни с кем не говорил с такой доверчивостью. А тут получилось само собой. Без смущенья, только с ласковыми мурашками в ладонях...

И она сказала:

– Хорошо... – Серьезно так сказала, и почудилось Инки, что ее веснушки засветились...

С той поры они вместе ходили из школы домой. А в школе тоже – вместе на переменах, вместе в столовой, рядышком в строю на физкультуре (тем более что рост одинаковый). И окликали друг дружку новыми именами. Не только один на один, а бывало, что и при всех. Никто не обращал на это внимания. Вообще никому не было дела до этой дружбы, у каждого хватало своих забот... Лишь учительница Анна Романовна внимание обратила. И, видать, решила использовать для общей пользы.

В самом деле, она, Анна Романовна, должна была всех поголовно вовлекать в общественную жизнь класса, даже таких неактивных, как Янкина и Гусев. А то они всё как-то в сторонке. Во всяких викторинах и утренниках участвовать не хотят, с ребятами общаются мало, только друг с дружкой. А ведь учитель обязан прививать всем своим воспитанникам коллективные навыки.

И вот однажды Анна Романовна задержала Гусева и Янкину после уроков.

– Есть у меня для вас, дорогие мои, предложение. Скоро в честь конца учебного года будет литературный утренник младших классов. Каждый класс готовит свои номера. Я хочу, чтобы вы подготовили маленькую сценку. По басне Крылова „Стрекоза и муравей“. По моему, вы подходящая пара...

Полянка порозовела. А Инки моментально ужаснулся. Быть „артистом“, изображать там кого-то на глазах у множества зрителей (наверняка ехидных и зловердных, вроде Хрюка и Майора!) – легче провалиться на месте.

– Еще чего! – сразу выпалил он.

– Ох, Гусев, ну почему ты такой колючка... Ведь можно же хотя бы изредка постараться ради общего дела. Ради коллектива... К тому же я замечала, что у тебя явные артистические задатки.

Это она врала на полную катушку и понимала, что врет. И видела, что Гусев это понимает. Поэтому даже смутилась слегка. Взглянула на Янкину.

– Посмотри, Поле хочется поучаствовать в спектакле. Не правда ли?

Та розовела. Уже потом Инки сообразил, что, видимо, в каждой девчонке, даже нескладной и кривоzubой, живет желание стать актрисой. Но он жуть и стыд от предстоящего своего актерства победить не мог. К тому же Инки вспомнил мертвую стрекозу, которую осенью видел среди припорошенной снежной крупы травы – скрюченную, с поломанными крыльями. И чтобы обрубить концы (Аннушка сейчас наорет и прогонит), он четко выговорил:

– Не буду я этим муравьем. Он сволочь.

– Гусев! Что за слова!.. Совсем распустились... Зачем ты так?

– А разве нет? – убежденно сказал Инки. – Она пришла, чтоб от смерти спастись, а он... Жратвы пожалел... – И вдруг представил Полянку, скрюченную на досках школьной сцены – с незащитно голыми плечами и руками, в истерзанной балетной юбочке, с искорверканными крыльями из проволоки и целлофана (сосудик у глаза дернулся). Полянка обеспокоенно качнулась к нему.

Анна Романовна оказалась терпеливее, чем надеялся Инки. Ради педагогики решила, видимо, что можно потребовать у великого баснописца уступки. „В конце концов, у него не убудет“, – потом говорила она.

– Гусев, послушай меня (и больше не выражайся, как в хулиганском обществе). Возможно, ты прав... Признаться, мне и самой было жаль стрекозу, когда учили эту басню в школе... Давайте придумаем другой конец!

– Какой? – быстро спросила Полянка.

– Иной. Совершенно противоположный! Это будет очень даже оригинально и удивит зрителей. В наши дни им не помешает порция доброты...

Инки посмотрел на Полянку. Полянка посмотрела на Инки (словно собиралась прижать палец к его пульсу у глаза). И он понял, что деваться некуда. Упирайтесь дальше – это все равно что предать Полянку. И... ту мертвую стрекозу в траве (которая, наверно, сильно мучилась от холода в последние минуты)...

Смок

Чтобы маленькая пьеса про муравья и стрекозу получилась „яркой и выразительной“, Анна Романовна призвала на помощь знакомого десятиклассника Эдика Звонарева. „Он занимается в театральной студии и понимает толк в режиссуре“.

Эдик отнесся к делу серьезно. После занятий приводил Инки и Полянку к себе домой и „накачивал“ там артистическим мастерством. Полянка на таких репетициях ничуть не стеснялась и делала все как надо. А Инки сперва костенел от стыда, двигался, как робот, забывал самые коротенькие фразы. И отчаянно мечтал, чтобы скорее все кончилось.

Один раз он увидел, как у остролицего лохматого Эдика от злости и отчаянья пожелтели коричневые глаза и сжались кулаки. „Щас вдарит по шее“, – почти с облегчением подумал Инки.

Эдик не вдарил. Он обмяк, сел по-турецки на ковер и, глядя снизу вверх на Инки, тонко завопил:

– Ну, пойми же, наконец, что ты сейчас не второклассник Гусев! Вот ни столечко!

– А кто? – обалдело сказал Инки.

– Ты муравей! Из травяной чащи! И главная твоя забота – как быть с бестолковой стрекозой. И больше никакая! Об этом думай! Тогда все получится!

– Да, Инки, постарайся, – попросила его Полянка. И потянулась мизинцем к уголку его глаза.

– Да, Инки, попробуй, – вдруг жалобно повторил и Эдик.

Он раньше слышал, конечно, как Янкина говорит Гусеву „Инки“, но сам никогда так его не называл. А тут вдруг...

Инки сердито втянул носом воздух. И стал „пробовать“.

Едва ли он всерьез обрел актерское умение, но ведь многого и не требовалось. Посто-
ять, посмотреть на бестолковую (но красивую) стрекозу, укоризненно и с жалостью, пока-
чать головой – черным картонным шаром с загнутыми усами-антеннами и прорезью для
лица. И продекламировать:

Ты все пела?
Ты все пела!
А работать не хотела.
Как зимою будешь жить?
Как теперь с тобою быть?
Ты, конечно, виновата,
Но куда тебя девать-то?...
Ладно, заходи скорей!

После этого стрекоза Полянка вспорхнет и радостно бросится к нему:

Ой, спасибо, муравей!

Она даже повиснет на одну секунду у него на шее и подрыгает ногами в зеленых колготках и серебристых туфельках.

На репетициях у Инки при этом каждый раз останавливалось дыхание и он замирал. Но не окостенело, а радостно...

И он почти приучил себя не стесняться.

И на утреннике без боязни вышел на сцену („Я ведь не Гусев и даже не Инки, я муравей, житель травы!“).

Сначала все шло как надо. Инки говорил нужные слова и двигался, как положено степенному деловитому насекомому. Но... после фразы „ты, конечно, виновата“ он понял, что забыл все дальнейшие слова. Как отрезало!

Паника накрыла Инки тугой волной. Не продохнуть. А спрятанный у глаза сосудик заколотился, будто пойманный за крылышко кузнечик. Чтобы прижать его, Инки поднял руку, но палец ткнулся в твердость искусственной головы. Инки так и обмер – с оттопыренным локтем и пальцем, приткнутым к черной выпуклости лакированного картона. Наверно, сквозь круглый лицевой вырез все видели беспомощно открытый Инкин рот... А время тянулось, будто жвачка... Наконец кто-то внутри у Инки ткнул его кулаком под дых. И вздрогнувший Инки торопливо, деревянно договорил оставшиеся строчки.

Полянка вскрикнула радостно и тонко:

Ой, спасибо, муравей!

И, как полагается, повисла на Инкиной шее. В зале хлопали. Едва ли актерским талантам Гусева и Янкиной (какие там таланты!). Скорее – неожиданному финалу всем известной басни. Наверно, радовались, что зеленая стрекоза с хрустящими целлофановыми крыльями не погибнет среди инея и мерзлой травы. Радовался этому и слегка очухавшийся Инки. Полянка держала его за взмокшие пальцы, и они вдвоем кланялись шумному залу. Инки, впрочем, не кланялся, а просто мотал картонной головой, стараясь, чтобы круглая „зрительная“ дыра в ней не съезжала в сторону. И хотел, чтобы все скорей кончилось...

Когда переодевались за кулисами, режиссер Эдик похлопал Инки по плечу.

– Ну, дружище, ты превзошел себя! Так изобразил муравьиные размышления! Философское молчание, палец у виска. „Быть или не быть...“! Прямо Смоктуновский!

– Кто? – подозрительно переспросил Инки. Он в этот момент повторно переживал жуть своей забывчивости, и во всем ему чудилась насмешка.

– Смоктуновский, – повторил Эдик. – Твой тезка. Ты Иннокентий, и он тоже... Не слышал про такого артиста? До сих пор знаменитый, хотя давно уже умер...

Инки помотал головой. Он вообще ни про каких артистов не слышал. Разве что про Аллу Пугачеву – потому что она чересчур громко орала свои песни, а Марьяна при ее выступлениях пускала телик на полную мощь: „Я обожаю! Вот это женщина...“ Но Смоктуновский был явно не женщина и к тому же Иннокентий. И что-то похожее на интерес шевельнулось у Инки. Он буркнул с неуклюжей усмешкой:

– Тоже муравьев играл, что ли?

– Он много кого играл. И прежде всего Гамлета в великом фильме Козинцева... Да ты ведь небось не слышал о Гамлете?

Инки когда-то что-то слышал, краем уха. Вроде бы этот парень где-то вещал известные слова: „Быть или не быть?“ Но где и зачем, Инки не помнил. Поэтому только шевельнул плечом.

– Кстати, завтра вечером этот фильм будет по каналу „Культура“, – сообщил Эдик. – Две серии. Советую глянуть. Едва ли проникнешь во всю глубину, но, может, что-то и отложится в твоей еще не замутненной душе...

Инки на эти слова (тем более что сказанные с подначкой) особого внимания не обратил. Но вспомнил их на следующий день, когда Марьяна голосила по мобильнику какой-то подружке:

– Нет, лапонька, мы с Виком сегодня никуда не пойдем! Будет продолжение сериала „Невеста из Рио-Гранде“, я так мечтала его увидеть...

– Зря мечтала, – сумрачно встрял Инки, чтобы сразу утвердить свои позиции. – Сегодня я буду смотреть *свое* кино.

Конечно, были большие вопли. Особенно когда Марьяна узнала, *какое* кино интересуется Инки.

– Да что ты там поймешь! Это фильм для всяких... у которых крыша сдвинута!

– А я такой и есть.

– А если такой, то сиди и лучше книжку читай. А то одни тройки в табеле! А к экрану нечего соваться на ночь глядя!

В ответ на это Инки сказал „фиг тебе“ и в восемь вечера, заранее, прочно уселся в кухне перед телевизором. Мол, попробуй оттащи. Марьяна и не вздумала пробовать – себе дороже. В отместку она не стала готовить ужин (на что Инки было наплевать – молока из холодильника и половинки батона ему вполне хватит; а кроме того, он умел готовить глазунью с ливерной колбасой и луком). Вместе с Виком Марьяна гордо отправилась смотреть дурацкую „Невесту“ к каким-то знакомым. „А что нам делать? Это же *не наша* квартира, *не наши* телевизор...“

Инки дождался начала фильма (старого, черно-белого), увидел на экране чадающие факелы и услышал сумрачную музыку...

Эдик оказался прав: второклассник Гусев не проник „во всю глубину“. То есть далеко не все понял, что и как там в этом длинном двухсерийном кино. И знаменитое „Быть или не быть“ прослушал равнодушно. Однако не отрывался до конца. И кое в чем разобрался. Прежде всего в том, что Гамлет просто задыхался от одиночества. Правда, был у него там один друг, но какой-то вареный, беспомощный. Только и сумел, что слегка утешить перед смертью... А больше всего оказался для Инки понятен поединок в конце фильма. Совсем не похожий на бои киношных мушкетеров и пиратов. Те бои тоже нравились Инки, но здесь было совсем другое. Не просто драка на шпагах, а... вот это действительно „быть или не быть“! Словно судьба самого Инки зависела от исхода. Или даже судьба всего белого света. И белый свет оказался спасен (Инки тоже!), потому что Гамлет защитил их собою. Это Инки не смог бы объяснить связно, однако ощущал душой (и вот удивительно – сосудик у глаза ни разу не вздрогнул, хотя набухли под ресницами капли)...

Марьяна и Вик долго не возвращались, фильм кончился, Инки взял длинную линейку и, словно гибким клинком, начал рассекать в воздухе обступившее зло. Он изгибался, распластывал себя в длинных выпадах, защищался от ударов, делал круговые отмашки, рубил невидимые (и в то же время черные) щупальца. Да, зло ему виделось не людьми, а сплетением колючих стеблей и ядовитых лиан. Он изрубил их и упал на тахту. И уснул, не выпустив меча...

Потом фильм в Инкиной памяти потускнел, приглож, но не забылся полностью. Иногда Инки снова сражался со злыми силами. Не с людьми, а с обступившими черными джунглями, которые надо было искрошить на кусочки. Ощущение своей гибкости, силы и ловкости всегда приносило радость, хотя и выматывался Инки немало. Сражался так он всегда только в одиночестве – или когда не было никого дома, или где-нибудь на задворках, в сухом репейнике и бурьяне.

Иногда Инки казалось, что он защищает обессиленную, застрявшую в зарослях стрекозу...

А где она была теперь, эта Стрекоза?

В первые дни каникул Полянку отправили в какой-то летний лагерь, она обещала, что вернется через месяц, а пропала насовсем. Инки приходил к ней домой, а соседи там сказали, что все семейство Янкиных неожиданно куда-то переехало. „Нам откуль знать, в какие края? Они не докладывали. Дело известное, папаша военный, снялись в одночасье, сказали, что дочку заберут прямо из лагеря...“

Вот и все, не стало Полянки. „Может, напишет? – думал иногда Инки. И сам же говорил себе: – А куда? Она же и дома-то у меня не была ни разу, адреса не знает...“

Иногда воображал, как пробивается к Стрекозе через джунгли и она прыгает навстречу, повисает на шее (голые руки – будто прутики), но потом запретил себе это...

А в начале третьего класса случился какой-то открытый урок, на который пришли худые и толстые тетеньки, которые при Анне Романовне (она заметно обмирала) сладкими голосами задавали ученикам вопросы. Всякие. В том числе про любимые фильмы и „каких вы, дети, знаете артистов?“ Один раз наманикюренный палец обратился и к Гусеву: „А ты, мальчик?“ Тому бы буркнуть: „Не знаю я никого...“ (что было бы всем понятно и привычно), а его вдруг словно задела коротким взмахом сумрачная музыка старого кино. Инки встал и, глядя в блестящие очки дамы из комиссии, отчетливо произнес:

– Иннокентий Смоктуновский.

– О-о-о... какие ваши дети интеллектуалы, – пропела дама.

Анна Романовна расцвела:

– Да! Это Кеша Гусев! Он в прошлом году замечательно играл в постановке по басне Крылова...

Инки сел и стал смотреть в окно...

...Так и прилипло к нему это прозвище. Никто, конечно, не мог даже выговорить полную фамилию Смоктуновский, сократили до первого слога. И стал он Смок. Ну и ладно. Лучше, чем Моргала.

Зимой Инки заметил на полке в школьной библиотеке книжку „Смок Белью“. Американского писателя Джека Лондона. Взял почитать. До этого он читал книжки через пень-колоду, а после „Смока“ начал брать их в библиотеке постоянно. Оказалось, это не хуже телевизора. Смотри, Марьяна, свои сериалы теперь хоть до посинения. И та смотрела (а мать снова была в отъезде).

Прозвищем своим Инки не то чтобы гордился, но принимал его как должное. Звали его так и ребята в классе, и знакомые пацаны на улице, даже старшеклассники. И те, кто к нему относился нормально, и те, кто его бил...

Били не часто, но и не редко. За то, что не хотел отдавать деньги (а где их было взять?), и за то, что „шибко упёртый“. Чаще всего этим занимался шестиклассник Расковалов по кличке Бригада со своими друзьями. Ну, ладно, доставалось от них не слишком сильно, „средне“, Инки иногда отмахивался даже, но недолго, для порядка. Проще было съежиться, получить свое и быть отпущенным под советы „в другой раз не возникать, а то сделаем из тебя жижу“... В общем-то, дело было привычное, в ряду других противных, но неизбежных событий: контрольных по математике, дополнительных занятий после уроков, ругачек с Марьяной, хождения на рынок за картошкой, письменных домашних заданий (если не сделаешь, Аннушка совсем задолбает), прививок в медицинском кабинете и энергичных объяснений-поцелуев матери, когда та очередной раз появлялась из отпусков-командировок...

Ну, вот так он, третьеклассник Гусев (Инки – для себя и Смок – для других), прожил до весны. До той поры, когда появились ходики со своим уверенным и спокойным „дагги-тиц“, с картиночным домиком, который Инки наклеил над циферблатом (он решил наконец, что именно в этом домике будут жить Сим и Желька).

А в конце лета – вот! Муха Дагги-Тиц.

...Утром заглянула в комнату Марьяна (вставай, мол, Сосед, завтракать пора. „Ох и колючка ты, Сосед“). И наконец увидела муху. Та снова перелетела с маятника на леску.

– Ну вот! Начинается осень! Сейчас я эту заразу... – Она ухватила со спинки стула Инкины штаны, замахнулась ими.

– Не смей! – взвизгнул Инки, взметнулся над постелью.

– Ты чего?

- Ничего! Не вздумай трогать муху! Она... моя...
- Сам, что ли, пришибешь? – с пониманием сказала Марьяна.
- Я тебя... пришибу, если ее тронешь!

Он выхватил у Марьяны перемазанные бриджи, запрыгал, проталкивая в штанины покрытые облупленным загаром икры...

- Ненормальный! Новый бзик, да? Точно матери позвоню. Про всё...
- Звони хоть президенту. А муху не тронь!
- Да зачем тебе эта дрянь? Объясни хотя бы!

– Сама ты... Не твое дело... – И наконец придумал, как объяснить: – У космонавтов на станции такая же муха была, я видел по телику. Они ее звали Настя...

- Ну, так у них она для опытов была! А тебе-то для чего? Одни микробы...

– Не вздумай трогать! Если она куда-то девается, ты будешь виновата! – В Инкином голосе зазвучало *такое*, когда лучше не спорить, Марьяна это знала. Плюнула и пошла к себе. Там стала объяснять про все Вику, который только что проснулся. Вик отзывался покладисто:

- Ну и оставь их. Что поделаешь, если он такой пацан, муху не обидит.
- Муху-то не обидит, а к людям как волчонок...
- Не трогай его, вот и не будет как волчонок...
- Да провались он со своей мухой... Будто любимую животную завел.

Инки смотрел в закрывшуюся дверь. „Сама ты... „животная“... Не мог ведь он сказать: „Не трогай Дагги-Тиц, *потому что у меня, кроме нее, никого нет*“...“

Марьяна больше не пыталась поднять руку на Дагги-Тиц (попробовала бы только!). А та появлялась в комнате каждый день. Каждый раз – неизвестно откуда. Чаще всего вечером. И садилась на маятник. Или на леску. А иногда – на Инкино колено или на руку – гуляла по ней от локтя до запястья. Погуляет – и снова к ходикам. Видать, она подружилась не только с мальчишкой, но и с часами...

Инки поставил на подоконник посудинку с едой для мухи – пивную пробку с молоком. И молоко регулярно менял. Муха иногда садилась на краешек пробки – питалась. А потом опять качалась на маятнике или гуляла по леске...

Однажды муха не появилась – ни вечером, ни на следующее утро, и, конечно, Инки заподозрил Марьяну:

- Это ты ее прогнала? Или пришибла!

Марьяна искренне завопила, что она не сумасшедшая и не самоубийца, чтобы связываться со свихнувшимся мальчишкой и его заразой. Потом беды не оберешься!

- Небось сама околела где-нибудь! Или воробей склевал...

Инки и сам понимал: мушиная жизнь полна риска. Мало ли что может случиться с такой крохой. А Марьяна – это было видно – и в самом деле ни при чем. Но все равно Инки смотрел на нее косо.

К счастью, завтра Дагги-Тиц появилась как ни в чем не бывало. И с той поры навещала Инки каждый день. А потом и вообще поселилась у него в комнате, исчезала лишь ненадолго.

Наверно, понимала, что скоро лету конец и зимовать лучше под крышей. И, кажется, ей было хорошо с Инки, так же, как ему с ней...

Он лежал вечером, смотрел, как Дагги-Тиц качается под ходиками, и думал о чем-нибудь спокойном. Например, о семенах белоцветы, которые плавают в теплом воздухе августа. Или об улице Строительный Вал с черным котенком на трубе (впрочем, котенок, наверно, уже вырос, но и взрослый кот на трубе – тоже хорошо...).

Потом пришел неизбежный сентябрь. Марьяна погладила Инки белую рубашку, вытащила из шкафа и почистила его прошлогодние (вполне еще приличные) джинсы и посоветовала:

– Старайся в этом году, Сосед... – И даже погладила по плечу. Инки дернул плечом и отправился в четвертый класс.

Оказалось, что Анны Романовны в школе уже нет, уехала куда-то. Вместо нее была теперь Таисия Леонидовна – с лицом, похожим на нос ледокола, и с таким же характером. Она сразу принялась наводить порядок. Формы в этой школе не было, но Таисия заявила:

– Чтобы все были в однотонных рубашках и чтобы никаких джинсов!

На следующий день она воткнулась глазами в „нарушителя“ Гусева:

– Я, кажется, вчера сказала: „Никаких джинсов!“

– А в чем ходить, если других штанов нету?

– Пусть родители купят! Это их проблемы, а не мои!

– А где они, родители-то? – сказал Инки. С Анной Романовной было проще, та знала про жизнь ученика Гусева.

– Что значит „где“? Ты меня спрашиваешь? Тебе лучше знать... А с кем ты живешь?

– С соседкой, – слегка злорадно сообщил Инки.

Таисия не дрогнула. Может, не поверила.

– Вот и скажи соседке, что в джинсах я тебя больше не пушу.

– В трусах, что ли, ходить?

– Хоть без трусов! А *такого наряда* чтобы я больше не видела!

Инки пожал плечами и стал надевать старые летние штаны со всякими хлястиками и подвесками у колен (наполовину оборванными). Таисия смотрела сцепив зубы, но *принципиально* молчала. Пока стояло тепло, можно было терпеть. Но во второй неделе сентября сразу навалился холод, с дождем и даже со снежной крупой. Утром Инки остался в постели и заявил, что на уроки не пойдет.

– Больно надо чахотку наживать...

Муха на маятнике одобрительно молчала. Ходики (тоже одобрительно) соглашались: „Дагги-тиц, дагги-тиц...“

Марьяна запричитала:

– Почему ты раньше-то молчал? Всегда строишь из себя непонятно кого...

Созвонилась с матерью, договорилась о деньгах, потащила Инки в магазин „Леопольд“. Купили синий костюм с брюками и пиджаком. Ладный такой, Инки он понравился. Тот даже поулыбался и сказал Марьяне спасибо.

Но красивым и новым костюм оставался всего три дня. На четвертый брюки пострадали в драке.

Впрочем, это и не драка была даже, а просто битье...

Каменный осколок

Инки жил на краю большого Краснореченска, в поселке Столбы. Краснореченск – он многолюдный, просторный и в центре даже красивый, но Инки там бывал редко. А Столбы – место тихое, с густыми рябинами вдоль заборов, с улицами, лежащими между Афонинским озером и пустырями, за которыми темнел корпус заброшенной Сетевязальной фабрики. На улицах было зелено, только на той, где стоял Инкин дом – на Новорыночной, – почему-то повырубали большие деревья, и теперь там часто гулял пыльный ветер.

Дом был двухэтажный, давней постройки, с облезлой штукатуркой. Позади дома – тесный, всегда завешанный бельем двор. Белье сушилось спокойно – мальчишек, которые любят гонять мяч и попадать им в сырые простыни и подштанники, в этом дворе не водилось.

В середине дома строители проделали широкую арку – проезд со двора на улицу. Инки эту арку не любил. Из нее, как только подойдешь, выплескивался навстречу недобрый ветер. Это в любое время, если даже везде стояло безветрие. Летом он – душный, пахнущий бензином. Зимой – кусающий за щеки, сочащийся под ворот и за пазуху. Весной и осенью – противный, как мокрая крыса, которая лезет за шиворот (с Инки такого не случалось, но крысу он представлял отчетливо). Каждый раз толчок воздуха напоминал Инки: надо ждать неприятностей. Поэтому Инки старался уходить со двора не через арку, а через дыру в заборе за сараями. Однако нынче он опаздывал на уроки, а от арки до школы – самая короткая дорога.

На этот раз сырой, с моросью, ветер пообещал: „Сегодня, Смок, хорошего не жди...“ И не обманул. Подходя к школьной бетонной решетке с калиткой, Инки понял, что сейчас его будут бить.

Понимание это было привычным, как боль от старой болячки. Не страшное даже, а нудное до отвращения.

Шагах в пяти от калитки он увидел трех семиклассников. Они стояли у старого телеграфного столба без проводов. (Таких столбов было почему-то много в окрестностях – может, потому у поселка и название такое; деревья вот зачем-то спилили, а столбы торчат и торчат.)

Семиклассники были „те самые“ – Бригада и его дружки – Ящик и Чебак. Известные как „трясуны“ (те, кто денежки трясет с младших пацанов) и „ва-аще крутые“. По правде, „крутыми“ они не были. Настоящие „крутые“, те, кто в десятом и одиннадцатом, к маленьким не вязались, у них – свои серьезные дела и сложные отношения. А такие вот, вроде Бригады, то и дело „качали доход“ с тех, кто поменьше. С ними в общем-то и не спорили – легче откупиться.

Но Инки откупаться было нечем. Да и противно...

Ну и нынче как всегда.

– Смок, притормози, – сказал Ящик. И приятельски улыбнулся толстыми губами, желтыми зубами.

Инки хотел проскользнуть, но, конечно, не удалось. Чебак ухватил его за пиджак.

– Стой, когда велят. Непонятливый, да? – Рыбы глазки у него стали веселыми. Ожидалось хотя и пустяковое, но все же развлечение.

– Чё надо... – безнадежно сказал Инки.

– Пятачок найдется? – ласково спросил Бригада. Он был гладко причесанный, аккуратный такой. Глянешь со стороны – прямо образцовый ученик, радость педагогов. Только модные джинсы его нарушали школьные правила. Но для Бригады эти правила разве указ?

Инки сказал, что пятак (то есть пятирублевой денежки) у него нет. Дома не дают, а сам он их не делает.

– А ну-ка поглядим... – Бригада умело зашарил в карманах нового Инкиного костюма (а Ящик и Чебак держали Инки за локти и плечи). Спорить и трепыхаться в таких случаях не полагалось, но Инки не выдержал, дернулся, пихнул Чебака коленом. Понимал, что себе дороже, но каждый раз не мог удержаться.

– Уй ты кака-ая! – радостно провыл Чебак всем известную фразу. И дал Инки по загривку. А Бригада умело (видать, папа тренировал) ухватил его за воротник, ударил кроссовкой под коленки и уронил носом в жухлую траву у столба. Теперь оставалось полежать так с полминуты, подождать, когда пнут раз-другой и уйдут. Долго это тянуться не могло: все-таки школа рядом, идут мимо не только ученики, но и учителя. Да и старшеклассники могли вмешаться, проявить на ходу мимолетное благородство...

Никто не вмешался, но и Бригада с друзьями задерживаться не стали. Дали ногой под ребра и ниже поясницы, потом еще между лопаток, запнули в канаву сумку и пошли. Наверно, сразу забыли про Смока. Он поднялся, сплюнул прилипшие к губам травинки, сходил за сумкой. Брюки были измазаны и порваны в двух местах. Ну, там, где по шву, – это пустяк. А внизу на левой штанине был вырван треугольный клочок.

– П-паразиты, блин... – выдохнул Инки и чуть не заплакал. Но не заплакал, только потрогал висок у глаза... Снял пиджак и носовым платком (Марьяна положила в карман) стал отчищать след бригадирской кроссовки.

– Смок, ты скажи про это про все Таисии Леонидовне, – услышал он сочувственный голосок. Рядом стояла лопоухая и тонконогая Катька Рубашкина. Ничего девчонка, добрая такая, всегда всех жалела. Выходит, она видела, как досталось Гусеву. Инки ответил ей не сердито, хотя и скучным голосом:

– Толку-то...

Он вовсе не стыдился стать ябедой. Это, говорят, лишь в давние времена в школах было ребячье правило: жаловаться учителям ни на кого нельзя – все будут презирать. Но раньше и другое правило было: не нападать на тех, кто слабее, и целой шоблой на одного, Инки читал про это. А сейчас и нападают, и жалуются, если выгодно...

– Давай помогу почистить, – сказала Рубашкина.

– Да ладно, я уже... – И натянул пиджак.

На первом уроке Таисия вызвала Гусева к доске, решать пример. Инки хотя и попыхтел, но решил. Только в одном месте забыл поставить скобку. И получил тройка. Было все равно, однако Инки все же сказал:

– Из-за какой-то несчастной скобки...

– Да, и за то, что столько времени копался. Кстати, почему ты в таком виде? Будто по свалке лазил.

– На него Бригада с друзьями напал, – подала голос Рубашкина.

– Какая бригада? Где это у нас нападают бригадами?

– Расковалов из седьмого „А“, – объяснила Аглая Мотова, Катькина соседка. – Они часто пристают к тем, кто им не нравится.

– А не надо вести себя так, чтобы не нравиться, – заявила Таисия. – Умейте поддерживать контактный стиль отношений и проявлять терпимость друг к другу. На меня вот, когда я иду, почему-то никто не нападает...

„Ненормальная“, – подумал Инки. Нет, не подумал, а, кажется, это вырвалось у него вслух. Потому что Таисия взвилась:

– Что-о-о?! Выходит, я идиотка?!

Пришлось извернуться:

– Я не про вас, а про Мотову. Чего лезет не в свое дело? Бригада ей напинает...

В классе захихикали.

– Марш на место, – велела Таисия со стоном (что за крестинами, мол, наградила меня судьба). – А этот самый... Расковалов... если кого-то еще напинает, пойдет к директору...

Захихикали сильнее. Все, даже первоклассники, знали, что муж директорши Фаины Юрьевны владел в Столбах двумя продуктовыми магазинами, влип весной в историю с просроченным товаром и обысками и теперь боялся милиции пуще пожара и СПИДа. И Фаина вместе с ним. Они даже мимо постовых проходили со сладкими улыбками. А отец Бригады был в Столбах большой милицейский чин...

Вечером, вернувшись из своей „Орхидеи“, Марьяна разглядывала Инкины истерзанные штаны и причитала. Ругала Бригаду и заодно Инки. Он не огрызался – а то ведь она не станет ремонтировать, и как тогда быть? Переминался рядом – насупленный, тощий, в обвисшей футболке и штопанных колготках. Инки не очень стеснялся носить колготки – ни раньше, ни теперь, в четвертом классе. Удобно было и тепло, холод не липнул к ногам. К тому же под брюками все равно не видать. А если в раздевалке, перед физкультурой, всякие там Хрюки и Майоры начинают хихикать и обзывать Машей и Танечкой, то насрать на них. Тем более что Инки не один такой. Только у Валерки и Саньки Тавдеевых не было такой густой штопки на коленях. Но ее все равно не видно. А вот зашитые места на брюках будут, наверно, заметны...

Однако Марьяна (она все-таки иногда хороший человек) зашила так, что следов ремонта и не разглядеть. А когда погладила, брюки стали опять как новые. Только бы снова не попасть в переделку... Инки так и сказал:

– Спасибо, Марьяна. Лишь бы опять не привязались, гады...

В это время пришел Вик, и Марьяна вдруг напустилась на него:

– Ты вот ходишь тут, а ни разу не спросил, какая у мальчонки в школе жизнь! А его там со свету сживают, новый костюм чуть не в клочья испластали. Кто-то должен заступиться за ребенка! А если другого мужика в доме нет, то кто?

Оказалось, что Вик хотя и смирный с виду, но вовсе не трус. По крайней мере, учителей он не боялся. И назавтра, когда у четвероклассников кончился последний урок, Вик появился в школе. Встретил в коридоре Таисию и сказал, что надо поговорить. Об ученике Гусеве.

– А вы, собственно, ему кто? – Таисия уже знала, что отца нет.

– А я, собственно, ему знакомый. Моя жена присматривает за ним, пока мать в отъезде... Это что-то меняет?

– Меняет. Насколько я вижу, присматривает она недостаточно. Он не вылезает из троек. Давайте я покажу вам журнал...

Они вернулись в класс (Инки тоже), но Вик смотреть журнал не стал и сказал, что пришел интересоваться не оценками. Он хочет знать, почему к мальчишке пристаёт всякая шпана, а они – то есть педагоги и наставники, которые вроде бы обязаны защищать своих учеников, – ничего не делают и хлопают ушами.

Таисия сказала, что она ничем не хлопает, а кто к кому пристаёт – это еще неизвестно. Гусев сам ведет себя вызывающе и восстанавливает против себя окружающих. Вчера, например, он ее, свою учительницу, назвал идиоткой!

– Вот вранье-то! – возмутился Инки.

– Вот видите, видите! Как он разговаривает!

– А если вранье, как разговаривать? – сказал Инки.

Вик свел белобрысые бровки.

– Иннокентий, ты обожди... Если он, Таисия Леонидовна, разговаривает грубо, поставьте двойку за поведение. А то, что семиклассники его лупят и деньги с него трясут, это все равно недопустимый факт. Тут не надо смешивать разное понимание...

– А никто и не смешивает! Я интересовалась семиклассником Расковаловым, это вполне благополучный школьник. Учится почти без троек, ни в чем плохом не замечен. У

него прекрасная семья, отец подполковник милиции, не раз бывал в горячих точках, вел себя там героически. И сына воспитывает в самых строгих правилах...

– Похоже, так и воспитывает... – сказал Вик, глядя мимо Таисии.

– Что вы имеете в виду?

– Да ничего... Видел я этих витязей в сизом камуфляже. И в мирное время, и в деле, на зачистках... Воспитатели... – Инки увидел, как натянулась кожа на лице у Вика.

– Это... не вам судить! У подполковника Расковалова награды!

– У многих награды, – скучновато заметил Вик. – Только не все ими брякают при народе...

– Не знаю, кто чем брякает! Но Расковалов – *отец* своего сына! А вы... еще неизвестно по какому тут праву... Думаю, комиссия при районной администрации должна заинтересоваться, почему ребенок живет с посторонними людьми, а мать болтается неизвестно где...

– Вы мою мать не трогайте, – Инки тяжело поднял глаза. – Это вы сами, наверно, болтаетесь, а она ездит в командировки... Вик, пойдем...

Дома, узнав, какой был разговор, Марьяна изругала Вика и хотела прогнать его. Но Инки сказал, что Вик все говорил правильно. Марьяне, кажется, это понравилось, хотя она и заявила вредным тоном, что все мужики одного поля ягода, одинаковые придурки. Потом велела Инки чистить картошку, и он в этот раз не стал спорить...

Потом он лежал и смотрел, как муха качается на маятнике. Она не только качалась, а дважды подлетала к Инки, погуляла по руке, сидела на заштопанном колене и затем снова улетела под ходики. Те выдавали свое „дагги-тиц“ слегка сердито. Наверно, злились на Бригаду и Таисию...

А наутро Бригада, Чебак и Ящик излупили Инки снова. Сильней, чем накануне.

Похоже, что на этот раз они караулили его специально. Ловко подскочили сзади, утащили за старый заколоченный ларек, что стоял через дорогу от школы. Сразу вляпали по скуле, двинули под дых. Правда, не сильно, дыхание не перебилось. Инки сумел выдохнуть:

– Чё я вам сделал-то, заразы!

Это „заразы“ само по себе уже являлось сопротивлением, вызовом и причиной для возмездия. Но была и другая причина.

– Ты, гнида! Еще спрашиваешь! – выплюнул Ящик из похожих на сосиски губ. – Кто наклепал вашей Таисюшке, будто мы с тебя деньги качали?

– Мы хоть копейку у тебя взяли? – красиво улыбнулся Бригада. – Врать, мальчик, нехорошо...

– Понял? – спросил Чебак, поморгал рыбьими глазками (хотя рыбы, как известно, не моргают) и задумчиво стукнул его кулаком по уху. Инки пнул Чебака в колено. А Ящика толкнул изо всех сил в грудь. Было уже все равно: теперь так или иначе излупят на всю катушку.

Тут же Смока бросили животом в сырой мусор, уперлись коленом в спину, взяли за волосы на загривке, несколько раз сунули в грязь носом. А когда он сумел снова поднять лицо, то увидел у самого носа модный красно-белый башмак на рубчатой подошве. От него воняло мокрой синтетикой и потом. Башмак был Бригады.

Рядом с башмаком лежал осколок гранита – из недалекой кучи гравия, который привезли для засыпки колдобов. Осколок был как топорик первобытного человека.

Инки вытянул руку, взял топорик в горячую ладонь (жилка у глаза билась, как пулемет), извернулся и всадил заостренный гранит в носок бело-красного башмака.

– А-а-а!! И-и-и-и!..

То ли услышав этот вопль, то ли по случайности появился за киоском крепкий учитель физкультуры по прозвищу Офсайд. Отпихнул Чебака и Ящика, ухватил на руки орущего

Бригаду и, шагнув через Инки, понес пострадавшего к школе. Чебак и Ящик рысью двинулись туда же (Чебак прихватил с земли „топорик“).

Инки встал. Подолом куртки отер лицо, отряхнул брюки. И тоже пошел в школу, подбрав по пути сумку...

Был он с фингалом и помятый, но никто на это не обратил внимания. Только сосед по парте, скучный и ленивый Димка Пахомов, спросил:

– Опять, что ли, *эти* приклеились?

– Ну... – сказал Инки.

– Они тебя доведут до крышки...

– Похоже на то, – сказал Инки.

– Хватит болтать! – потребовала Таисия. – Проверочная работа. Пишу два варианта, чтобы не сдували друг у друга... Сначала решайте на черновиках, чтобы не черкать в тетрадях...

У Инки ничего, конечно, не решалось. Он стал рисовать на черновике Сима и Жельку, идущих по натянутой от игрушечного домика леске. Он знал, что *все это* добром не кончится. И ничуть не удивился, когда дежурная техничка тетя Лиза приоткрыла дверь и сообщила:

– Таисия Леонидовна, вашего Гусева к директору. Вас тоже...

Проклятие

Таисия тоскливо посмотрела на Инки, потом велела:

– Все сидят тихо и решают! Если не хотят двойку в журнал! На перемену никто не идет... – И пошла к двери. Инки за ней. Так и шагал следом, когда она стучала каблуками по половицам, по ступеням, двигаясь к директорскому кабинету. У двери велела:

– Стой здесь... – постучала и вошла.

Инки стал ждать. Ждал, ждал, слыша неразборчивые голоса. Ощущал скучноватую и несильную боязнь. Вспоминал Бригаду и даже слегка сочувствовал ему (как он орал!). Наконец дверь приоткрылась, Таисия деревянно сказала:

– Войди, Гусев.

Инки шагнул через порог.

Тут же он увидел Бригаду. Тот сидел у стены. Одну ногу поджал под стул, вторую вытянул. Ступня этой вытянутой ноги была замотана марлей. Снятый башмак (с треугольной дыркой на носке) Бригада держал в опущенной руке. Мокрыми злющими глазами глянул на Смока. В глазах читалось: „Ну, сейчас ты поимеешь, гад, все, что заработал...“

А еще Инки увидел, конечно, директоршу Фаину Юрьевну со светло-желтым краше-ным тюрбаном прически и пухлыми пальцами, которые растопыренно лежали на блестящем коричневом столе. Лицо тоже было пухлое, маленький красный рот терялся на нем в складках. Таисия встала сбоку от стола. С другого бока стояла черная и худая Клавдия Львовна – должность ее называлась „завуч по младшим классам“. Получилось, что Таисия с Клавдией как директорская охрана. Все трое воткнули глаза в четвероклассника Гусева.

– Ну? – выговорила завуч. То ли ласково, то ли ядовито.

Инки смотрел чуть в сторону от нее и молчал.

– Ну, Гусев? – повторила она нетерпеливо.

– Что? – шевельнул он губами.

– *Что* надо сказать, когдаходишь в кабинет директора?

– Что? – сказал Инки.

– Надо поздороваться! – взвизгнула Таисия Леонидовна. – Не учили тебя, да?!

– А... здрасте... – внутри у Инки шевельнулись удивление и усмешка. При чем тут „здрасте“, если сейчас его будут всячески изничтожать. Это же понятно каждому, даже вот медной фигурке примерной школьницы на директорском столе.

– Он еще и усмехается, – уже без выражения сообщила завуч Клавдия. (Значит, Инки усмехнулся все-таки не про себя, а снаружи; вот балда!)

– Это нечаянно, – объяснил он.

– По-моему, он издевается, – прежним бесцветным тоном сообщила завуч.

Директорша Фаина Юрьевна постучала тяжелыми пальцами о стол.

– Облик достаточно ясен... Таисия Леонидовна, этот... Гусев... он всегда таков?

– Я знаю его полтора месяца. Но за этот срок можно было сделать вывод, что да... всегда...

Клавдия постучала пальцами опять.

– Тогда к делу... *Расскажи*, Гусев, каким образом и почему ты изуродовал своего товарища по школе?

Инки через плечо посмотрел на Бригаду:

– Его, что ли?

– Ну, не меня же! – снова взвизгнула Таисия (что было уже совсем глупо). – Зачем ты искалечил ногу семикласснику Расковалову?! У него изранены пальцы! Еще неизвестно, что покажет рентген, может быть, там перелом! Тогда ты... тебя...

– Подождите, – чуть поморщилась директорша. – Гусев, говори...

– Я, что ли, первый к нему полез? – отвернувшись от всех, проговорил Инки. – Сами каждый день... три таких амбала... С ног собьют и давай пинать. Новые штаны изорвали. – И вдруг дернулась в горле колючая боль: – Нападать можно, а отбиваться нельзя, да?!

– А мы нападали, да? – вдруг тонко заговорил Бригада. – Мы играли! Просто... „Смок, ты бедных нас прости, сигареткой угости...“ А он... Шутки не понимает...

– А почему сигареткой? Он еще и курит? – напружиненно спросила Таисия.

– А разве нет? – обрадовался Бригада. – Откуда тогда такое прозвище – Смок? Значит, весь продымленный...

– Ты куришь? – спросила директорша.

Глядя на ее пальцы (два из них были перетянуты кольцами), Инки сказал:

– С чего вы взяли...

– Не груби! – опять взвинтилась Таисия.

А директорша терпеливо спросила:

– А почему тебя так прозвали?

Инки испытывал полную безнадежность. И понимал, что никому ничего не докажет, не объяснит. Но молчать было совсем тошно, и он устало сказал правду:

– Из-за артиста Смоктуновского...

Все молчали несколько длинных секунд. Потом завуч Клавдия медленно выговорила:

– Надо же... Не такой тупой, как на первый взгляд. И-ро-ни-зи-рует...

Инки закусил губу и потерял сосудик у глаза. И подумал, что вот было бы хорошо, если муха Дагги-Тиц вдруг появилась здесь и покружилась бы у его головы. Хотя бы на секунду... Но нет, не надо! Могут прихлопнуть сдуру...

– Опустит руку, не актерствуй! – велела Таисия.

Но Инки не опустил. Потому что вспомнил, как тогда, во втором классе, на репетиции, Эдик добродушно сказал Полянке: „Яна, ты говори проще, не актерствуй специально...“ И показалось, что Полянка встала рядом, коснулась мизинцем Инкиного виска...

– Он еще и улыбается! – словно с трибуны возвестила Таисия.

– Гусев, не паясничай! – железно приказала завуч Клавдия. – Ты не за гаражом с приятелями, где у вас курилка...

Полянка сразу пропала. А Инки хотел сказать, что не знает никакой курилки, но в дверь крепко постучали. И растворили сразу же, до ответа.

В кабинет шагнул милиционер. В ремнях, в шинели, с двумя большими звездами на каждом погоне. Снял фуражку с желтыми накладными узорами, встал прямо.

– Прошу прощения, Фаина Юрьевна. Мне доложили, что вы звонили.

Директорша уже не сидела. Она стояла, упираясь пальцами в столешницу. И отражалась в полировке. Как скульптура в коричневой луже. Красный ротик сложился в улыбку, но брови были скорбно сведены.

– Да, товарищ подполковник... Михаил Матвеевич... к сожалению, случилась неприятность. В свалке на улице ваш сын... Валерик... пострадал от удара камнем... нога... от руки вот этого... субъекта. Сейчас разбираемся... Школа приносит вам свои извинения...

Высокий, крепкий, похожий на умных десантников из сериала „Это были наши“ (который любила смотреть Марьяна), подполковник глянул на щуплого „субъекта“. Спокойно и с коротким любопытством. Потом на сына:

– Что случилось?

„Валерик“ неуклюже встал, опираясь на пятку забинтованной ступни.

– Мы играли... Он свалился, а там камень. Он его схватил и по ноге...

Инки понимал, что сейчас его куда-то поведут или повезут и едва ли скоро отпустят. Но страшно не было, тоскливо только. И жаль муху... Он глянул на Бригаду:

– Ага. Вы играли, а я шел мимо, упал, схватил камень и тебя, бедного... Бандюга...

– Вот видите! – словно обрадовалась директорша. – Вы когда-нибудь встречали подобных личностей?

Подполковник Расковалов снова прошелся глазами по „личности“. Кивнул.

– Встречали. Похожих... Стреляют метко, плачут редко. Обид не прощают... – И спросил уже у Инки: – Ну а что случилось в самом деле? Он полез первый?

– Не он, а они, – сказал Инки, загоняя в самую глубокую глубь предательскую слезу. – Втроем. Мордой в землю, башмаками по ребрам... За что?

Все-таки он прочитал немало книжек и умел строить правильные фразы.

Расковалов-старший спросил, с новой ноткой интереса:

– Это было один раз?

– В этом году второй... А в прошлом не помню сколько...

– И каждый раз втроем?

– Не каждый... – Инки смотрел на верхнюю пуговицу милицейской шинели и после коротких ответов сжимал губы. – Иногда вдвоем. Иногда вчетвером...

– И чего требовали?

Инки невольно стал поддаваться офицерскому лаконичному тону:

– Когда как. Иногда сигарет. А откуда они у меня? Иногда денег. А я кто, Сбербанк? Иногда просто так. Поиздеваться...

– Папа, он врет... Мы хотели только... не это вовсе... – по-детсадовски заканючил у своего стула Бригада.

– Иди сюда, – велел Расковалов-старший и сделал шаг в сторону.

Бригада боязливо захромал, опираясь на пятку и взмахивая снятым башмаком, будто крылышком. Встал перед отцом... и от крепкой затрепщины улетел к двери.

– Марш в машину, – скучновато сказал ему отец. – Дома разберемся в деталях. Не думай, что нога тебя выручит, задница у тебя целая...

Потом он повернулся к директорше, встал прямее.

– Фаина Юрьевна, я прошу прощения за инцидент. У меня нет претензий к школе. Честь имею. – И вышел следом за сыном, который уже уковылял через порог.

Целую минуту висела густая, стыдливая какая-то тишина.

Наконец Фаина Юрьевна осела на застонавший стул.

– Вот видишь, – выговорила она. – Папа Валерия Расковалова строг и очень справедлив. Он разобрался в вине своего сына. И сделал выводы. Но это не значит, что твоей вины здесь никакой нет. Она есть и ничуть не меньше, чем у Валерия. Ты это понимаешь?

Инки подумал. Надо было сказать, что понимает. Тогда, наверно, отпустят в класс. Конечно, работу по математике он сделать уже не успеет и Таисия вкатает пару („сам виноват!“), но зато можно теперь не бояться ни Бригады, ни всяких Ящиков-Чебаков. Передышка в жизни...

– Ты понимаешь? – повторила теперь завуч Клавдия.

„Почему она вся такая черная?“ – мелькнуло у Инки. И он сказал:

– Нет.

На него стала наваливаться сонная усталость. Чего им всем надо-то? А они говорили, говорили, повторяли уже известные скучные слова, которые не задерживались в памяти, только рождали не сильную, но липкую какую-то злость. Чтобы не чувствовать ее, Инки стал думать о мухе Дагги-Тиц. Как он придет домой, ляжет и будет смотреть на маятник, на качающуюся муху, слушать привычное тиканье. Тогда вернется спокойствие. Оно похоже на неторопливую переливчатую музыку из давнего кино „Человек идет за солнцем“. Это когда мальчик гонит по тротуарам свой обруч... Славный мальчишка, подружиться бы с ним. Но

такие бывают лишь в фильмах, да и то не в нынешних, а в старых, про которые Марьяна говорит „из советского периода“...

...– Да он все равно нас не слушает! Как горох о стену! – вдруг прорезался голос Таисии. – Чего мы мечем бисер!..

Инки встряхнулся, и липкая злость снова стала заползать в него. Да и не злость даже, а смесь досады и скуки.

– Пусть идет, – великодушно решила директорша. – Сейчас он ничего еще не осознал. Ни поступки, ни поведение. Может быть, подумает и что-то поймет.

– А кто ему объяснит? – капризно возразила Таисия. – Если дома ни матери, ни отца... Был бы папа вроде Расковалова, с милицейской портупеей...

„Не дожدهшься...“ – подумал Инки.

– Пусть идет... – повторила Фаина Юрьевна. Видимо, она была довольна, что с милицией не будет осложнений. – Иди, Гусев, и подумай...

Инки пошел к двери, расталкивая телом усталость, будто брел по груди в воде.

– Постой! Ты ничего не хочешь нам сказать? – услышал он за спиной завуча Клавдию.

Инки понял, что хочет. Остановился. Оглянулся. Лиц он не различил, только пятна. И этим пятнам он утомленно и отчетливо сказал:

– Чтоб вы все сдохли...

На него не заорали, не пикнули даже. Инки шагнул в коридор и пошел в свой класс. Там на него смотрели с боязливым интересом. Таисия не возвращалась. Инки взял сумку и спустился на первый этаж. Раздевалка была заперта. Ну и наплевать, он зашагал домой так, в пиджаке. Было сыро, но не холодно.

На лестничной площадке, где привычно пахло квашеной капустой, Инки сдернул с шеи ключ на шнурке, отпер дверь.

В квартире стояла непонятная тишина. То есть ей и полагалось тут быть, но не такой же мертвой!

В грязных ботинках Инки скакнул в свою комнату.

Здесь не слышалось обычного „дагги-тиц“. Маятник не качался.

В чем дело-то? Инки утром до отказа подтянул самодельную гирю – ведро с песком. Оно и сейчас висело высоко над полом. А ходики молчали.

Мухи на маятнике, конечно, не было.

Инки мизинцем качнул маятник. Тот неуверенно пошелкал с полминуты и замер. Больше толкать его Инки не решился. Показалось, что в молчании ходиков есть связанная с ним, с Инки, причина.

Под ходиками, у плинтуса, светлело крохотное пятнышко. Инки сел на корточки, будто его ударили под коленки. Пятнышко было желто-белым брюшком Дагги-Тиц. Муха лежала на спине, съезжив лапки и раскинув крылышки...

А полной тишины все-таки не было. За окном, далеко где-то, назойливо стонал противоночный автомобильный сигнал...

Спичечный коробок

Инки помусолил палец, взял на него муху, переложил на ладонь. И стал сидеть на полу, прислонившись спиной к твердой стенке под замершими ходиками. Жидкое солнце просочилось из-за туч в окно, уронило на руку Инки желтое пятно. Он теперь впервые разглядел муху близко и подробно – ее согнутые лапки, прижатые к животу, похожему на ядрышко кедрового ореха; головку, будто сложенную из двух коричневых зернышек. Слюдяные крылышки с микроскопической сеткой прожилок... Инки погладил Дагги-Тиц глазами, но вдруг ему стало неловко: будто он разглядывает голую... ну, не девочку, конечно, а пластмассового, без всякой одежды пупсика. Он почему-то стеснялся смотреть на таких кукол, будто в этом крылось недозволенное подглядывание.

Очень осторожно Инки перевернул муху брюшком вниз. Сдвинул растопыренные крылышки. Теперь муха была совсем как живая. Инки на миг даже понадеялся на чудо: вдруг взлетит? Конечно, не взлетела. Лежала совершенно неподвижная и совершенно невесомая...

Стенанья автомобильного сигнала за окном прекратились, навалившаяся тишина сделалась совсем плотная, ватная. Но скоро сквозь нее стал проталкиваться слабенький звон. Это на кладбищенской церкви за поселком подал голос робкий колокол. Или праздник отмечали какой-то, или, наоборот, хоронили кого-то...

Вместе с редкими, еле различимыми сигналами колокола стала толкаться в Инки мысль о его вине. Нет, не мысль даже, а просто горькая догадка...

Инки очень редко думал о Боге. И без интереса. Марьяна говорила не раз, что Бог есть и надо почаще просить у него прощенья, чтобы жизнь была не такой пакостной. Инки в споры не вступал. Бог, наверно, и в самом деле был – невозможно представить, чтобы откуда-то сама собой взялась громадность и бесконечная хитроумность мира: от невероятных галактик до... этого вот мельчайшего узора из прожилок в мушиных крылышках. Кто-то же должен был вначале это придумать... Но то, что Бог существует, никак не влияло на Инкину жизнь. Создатель мира и мальчик Инки были каждый сам по себе – со своими делами, планами и хлопотами. Инки если и вспоминал по какому-нибудь случаю о Боге, никогда ничего у него не просил: ни помощи, ни радостей, ни прощенья. Может, прощенья иногда и стоило просить, но Инки чувствовал, что Творец галактик просто не догадывается о затерянном во Вселенной пацаненке по фамилии Гусев. Что у него, у Творца, нет других забот, покрупнее?...

Но сейчас догадка стала похожей на толчки боли – в том же редком ритме, что удары далекого колокола...

– Но я же не хотел, – шепотом сказал он мухе. – Я же просто так сказал им... Ну, потому что достали... А по правде я и не думал, чтобы кто-то из них сдох...

Но понимание вины делалось все четче. Связь между пожеланием гибели тем, в директорском кабинете, и гибелью крохотной Дагги-Тиц казалась уже бесспорной...

„Пожелал одним, а случилось... с другой...“

„Но почему с ней-то? Пусть уж тогда бы со мной!“

„Какой хитрый! Лежал бы сейчас и ничего не помнил, не чувствовал. Это не наказание. А вот теперь сиди и мучайся... Ей-то что? Она будто уснула. А ты... будто предал ее...“

„Но не хотел же я!“

„А кому ты докажешь? Что сказано, то сказано...“

Неизвестно, такими ли словами думал тогда Инки, но чувствовал именно *это*. И некуда было деться от *этого*. Он понял, что придется теперь так и жить. С таким вот пониманием непоправимости. Однако надо было еще привыкнуть к такой жизни. И обмякший Инки с Дагги-Тиц на ладони сидел, привыкая. Сосудик у глаза дергался непрерывно. Инки не успо-

каивал его. Потому что не от кого было скрывать слезы. Тяжелые капли просочились на коленях через суконные штанины и заштопанные колготки, ядовито разъедали кожу...

– Но я же не хотел... – опять сказал Инки. И мухе, и себе, и... обступившей его тишине.

Он и правда не хотел. Он вообще не терпел, когда убивали. Никогда не ловил бабочек и стрекоз, хотя детсадовские ребята любили делать из них „коллекции“. Ненавидел жильца восьмой квартиры Гвоздилина, который топил новорожденных котят (не только своей кошки, но и соседских). И фильмы со стрельбой и дуэлями смотрел только потому, что знал: люди там – артисты и умирают не по правде. И все равно при этом морщился. Морщился даже, когда с врагами разделялся Гамлет, хотя уж его-то враги – гады и предатели – заслуживали всяческой гибели... При этом о собственной смерти (которая случится *когда-нибудь*) Инки думал почти без боязни. Смешно (и скучно как-то) бояться того, что рано или поздно происходит с любым человеком. Он, Инки, что, разве не такой, как все? Вытерпит как-нибудь... Он чувствовал, что в смерти страшно не то, что исчезает кто-то живой, а в прощании. В том, что он расстанется с другими, с теми, *кто у него есть*. Но у него, у Инки-то, *кто* был? Мать? Ну... да. Но где она? Появится и опять не поймешь куда пропадает. Была Полянка, но она тем более – *где?*... Была Дагги-Тиц (смешно, да?! – крохотная муха, которую любой „нормальный“ человек мог бы прихлопнуть мимоходом). И что теперь?...

Инки мотнул головой, стряхивая капли со щек. Папаша Бригады сказал про него лишь одну правильную вещь: что *такие* „плачут редко“. Однако если они плачут, то долго и неудержимо. Когда рядом нет никого... Но всяким слезам приходит конец. Инки толкнулся от стены лопатками и встал. Осторожненько положил муху на облупленный подоконник. Пошел на кухню, взял с полки у плиты коробок, вытряхнул спички в мусорное ведро (из него пахнуло вчерашним винегретом).

В туалетной тумбочке, где Марьяна прятала всякую свою парфюмерию, Инки нашел комочек чистой ваты, дернул клоч, сделал в коробке подстилку. Положил на вату (вернее, посадил, как живую) Дагги-Тиц. В непослушном ящике комода, где лежало его белье, Инки отыскал чистый носовой платок, вырезал из него прямоугольник по размеру коробка. Накрыв муху. Задвинул ящик под крышку. Побаяюкал коробок на ладони...

Надо было похоронить Дагги-Тиц. Инки подумал: „Где? Может быть, где-то в траве на кладбище?“

Но... муха все-таки не человек, и, наверно, не полагается так. А может, снаружи, у бетонного кладбищенского забора?...

Инки показалось, что решение появится само, когда он выйдет на улицу. И стал одеваться. Но в эту минуту пришла Марьяна. На обеденный перерыв, что ли? Разве уже середина дня? Не поймешь теперь – часики стоят...

Марьяна сразу спросила:

– Ты чего такой зареванный? Опять побили?

Инки не стал говорить „отвяжись“, „не твое дело“, „иди ты...“. В горе не огрызаются. Или молчат, или...

Он ответил через слезную сиплость:

– Муха умерла... Я пришел, а она на полу...

У Марьяны хватило ума не утешать его (мол, „да ладно, подумаешь, какая беда...“ или „ну, чего уж теперь...“ и „муха ведь, а не человек...“). Сказала сразу:

– Ох ты горюшко... С чего это она?

– Не знаю...

– Слушай, я тут ни при чем. Я ее никогда... Наоборот. Даже молоко подливала в пробку...

– Я на тебя и не говорю...

– А ты куда собрался?

Он вскинул сырые глаза:

– Куда-куда... Надо где-нибудь закопать...

– Умойся сперва. И поешь. Я вареники принесла, с творогом. Ты ведь их любишь.

Инки любил. И к тому же внутри сосало от голода. Горе не уменьшилось, но как бы отодвинулось в сторонку. На время. Инки вымыл лицо в ванной клетушке с побитой эмалью и ржавым душем. Потом съел несколько вареников. Но голод вдруг пропал, будто внутри что-то отрубилось. Инки затошнило даже. Опять навалилась душная тишина.

„Надо посмотреть, что там с часами, – вдруг понял он. – Может, просто засорились шестеренки, я их ни разу не чистил...“

Может, и так...

А что, если ходики остановились от горя, когда ослабевшая Дагги-Тиц соскользнула с маятника и упала на половицу?

А почему ослабела-то, почему соскользнула? Потому что пришла осенняя пора, когда мухи умирают повсюду? Но ведь здесь-то, в тепле и сытости, в безопасности могла бы жить да жить...

Значит, виноват все-таки он, Инки?

Виноватость снова сделалась тяжелой, как тошнота. И тут же подумал Инки, что станет легче, если ходики пойдут вновь, станут повторять имя мухи. Выйдет так, будто она снова здесь (ну, хоть чуть-чуть!). И это докажет, что Инкиной вины нет (а если и есть, то небольшая).

Инки разобрал часы. Марьяна ушла, а он возился, возился, как старый мастер над хитрым корабельным хронометром. Нарочно оттягивал момент, когда надо будет проверить, идут часы или замерли насовсем? Он продул механизм тугой струей из старого пылесоса „Урал“. Долго чистил шестеренки мягкой кисточкой для акварели. Затем старательно протер жестяной циферблат с черными числами на белых бляшках, с домиком-картинкой (Сим, Желька, вы здесь?), с верхом в виде кокошника. Покрутил стрелки, заново протер цепочку...

Наконец он встал на табурет, повесил ходики, толкнул маятник. Тот защелкал: „Дагги-тиц, дагги-тиц...“ Вернее, „Дагги-Тиц“, потому что часы выговаривали *имя*. И не останавливались – минуту, пять, десять... „Ну, вот видишь...“ – мысленно сказал Инки мухе с горьким облегчением. Та лежала в коробке, а коробок в кармане куртки, висевшей у двери, но все равно Дагги-Тиц снова будто оказалась под часами.

За окнами набухали дождливые сумерки. Инки сходил в комнату к Марьяне, глянул на ее бесшумный будильник. Была половина восьмого. Инки снова забрался на табурет, поставил стрелки, как надо. „Дагги-тиц... Дагги-Тиц...“

Идти сейчас хоронить муху не имело смысла. Не в том дело, что темно и сыро (хотя и в этом тоже), но разве найдешь подходящее место... И к тому же Инки почувствовал, какой он измотанный. Видно, из-за всех сегодняшних горестей. Облепила его, легла на веки вязкая сонливость. Сразу. Инки через силу стянул с себя костюм, бросил пиджак и брюки на спинку стула. И хотел упасть сам – на свою узкую, будто корабельная койка, тахту. И вдруг увидел свою тень на стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.